
ФИЛОСОФИЯ

УДК 1:316

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-531-540

**ДИАЛЕКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ
ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ СТРУКТУРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ
ЛИЧНОСТИ. ОТКРЫТИЕ И КРАХ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО
ГОРИЗОНТА ДЛЯ-СЕБЯ***Политов Андрей Викторович**Пермский национальный исследовательский политехнический университет*

Цель данной статьи — исследование сущности диалектических принципов для-другого и для-себя и присущих им модусов, формирующих один из уровней пространственно-временной структуры человеческого бытия — личностную хронотологию. Теоретическая и методологическая база обусловлена синтезом культур-центристской программы, диалектической и органицистской моделей мироздания, реляционистского истолкования времени-пространства, хронотопологической концепции А.А. Ухтомского и М.М. Бахтина. В результате раскрыты диалектические основания формирования пространственно-временного каркаса человеческой личности согласно принципам для-другого и для-себя. Принцип для-другого формирует личностный мир-хронотоп человека, помещая его в ситуацию коммуникации с другими, лишая личностное бытие самостоятельности, обособленности, погружая его в сферу отчужденности и заботы, характеризующую публичное пространство социальной хронотологии. Но именно в событии отчуждения и экзистенциальной падшести коммуникации для-другого личностный мир посредством деформации и разрушения реконструируется в сферу, которая обладает способностью к соприсутствию с личностными мирами Других, впервые обнаруживаемых в качестве равноправных и самостоятельных акторов общественной жизни. На стадии для-другого личность приобщается к социальной хронотологии, получает способность ориентирования в окружающем мире и открывает путь к обретению следующей стадии — для-себя. Хронотопологический принцип для-себя служит заключительной порождающей моделью пространства и времени человеческой личности, согласно которой личностному миру открывается возможность существования, свободы, приобщения к трансцендентному, катарсического и экстатического переживания, полноты бытия, экзистенциально подлинного со-бытия с Другим. Принцип для-себя окончательно конструирует личностный хронотоп человека, обогащая его этическим, эстетическим, аксиологическим и экзистенциальным горизонтом.

Ключевые слова: хронотоп, пространство, время, локус, личность, человек, культура.

**DIALECTICS OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT
OF THE HUMAN PERSONALITY'S SPATIOTEMPORAL STRUCTURE.
OPENING UP AND CRASH OF THE FOR-SELF EXISTENTIAL HORIZON***Andrey V. Politov**Perm National Research Polytechnic University*

The goal is to study the essence of dialectical principles for-other and for-self and their modes, which form one of the levels of the spatiotemporal structure of human existence — personal chronotology. The theoretical and methodological basis is due to the synthesis of the cultural centrism, dialectical and organicist

models of the universe, the relational interpretation of time and space and the chronotopological concept. As a result, the dialectical foundations of the formation of the spatiotemporal frame of the human personality are revealed according to the principles for-other and for-self. The principle for-other forms the personal chronotope, placing it in a situation of communication with others, depriving the personal being of independence, isolation, immersing it in the sphere of alienation and care that characterizes the public space of social chronotopology. But it is precisely in the event of alienation and the existential fall of communication for-other that the personal world is reconstructed through deformation and destruction into a sphere that has the ability to copresence with the personal worlds of Others, who are firstly discovered as equal and independent actors of social sphere. At the for-other stage, the person joins social chronotopology, gets the ability to orientate in the world around him and opens the way to finding the next for-self stage. The chronotopological principle for-self serves as the final generative model of space and time of the human personality, according to which the personal world opens up the possibility of existence, freedom, involvement with the transcendent, catharsis and ecstatic experience, fullness of being, existentially genuine coexistence with the Other. The principle for-self finally constructs a personal chronotope and enriching him with an ethical, aesthetic, axiological and existential horizon.

Keywords: chronotopos, space, time, locus, personality, human, culture.

Модусы для-другого: линейный и петлевой хронос

На стадии для-другого проявляются два модуля, линейный и петлевой хронос, с возникновением своим конституирующих человеческую жизнь до самого ее завершения, становящихся способом человеческого бытия, его временем в полноценном смысле: линейный и петлевой хронос — это и есть то время, которое мы знаем. Пространство отходит на второй план, становится не более чем фоном, декорацией, на фоне которой каждому отведено свое место. Пространство навсегда застревает в дихотомии внешнего и внутреннего и неразрывно связанного с ней противоречия подлинного и неподлинного, собственного и чужого; отныне личностный мир будет разорван в этих антиномиях, преодолеть которые человек оказывается не в состоянии, ибо они становятся способом его ориентирования в окружающем мире-хронотопе. Линейный и петлевой хронос есть две стороны одного и того же времени, пульсирующего в локусе, точке, складке настоящего здесь и сейчас, необратимо ничтожащегося (здесь отсылаем к знаменитому сартровскому термину «неантизация», «ничтожение» [Филиппов Л.И., 1977, с. 120]) в уже-не-существующее, присутствующего как еще-не-существующее [Нестерова О.Е., 2002; Черняков А.Г., 2001, с. 37–46]. В вечной повторяемости, но временности существования только здесь и сейчас заключена суть негативно-диалектической и парадоксально-диалектической природы хроноса. Время не

может быть как вечное есть [Аврелий Августин, 1991, с. 58], но может только как есть здесь и сейчас, всякий раз уже и еще не существующее, бесконечное слабое бытие сущего (вспомним положение Фомы Аквинского о материи как слабейшем виде бытия [Фома Аквинский, 2000, с. 389; 2006, с. 534]), но — единственно возможный способ его существования, поскольку он делает возможным путь, по которому должно пройти сущее. В этом этическая глубина времени: бесконечно слабый, но единственно возможный способ бытия сущего.

Линейность хроноса — выстраиваемая постфактум причинно-следственная цепь пульсаций, колебаний, мерцаний временения (используется термин «мерцание», обоснованный в [Комаров С.В., 2007, с. 716–726]); именно линейный хронос, парадоксально-диалектическим образом как бы и не существующий, но только преходящий (поскольку каждый временной акт есть уже-не-бытие), существует неизбежно в приносимой им с собой необходимости, необратимости, цепи причин и следствий — символе фаталистичности и брэнности пути сущего. Хронос линейен, но вместе с тем цикличен, периодичен, поскольку представляет собой постоянное, вечное колебание, замкнутый цикл есть – уже-не-есть – еще-не-есть. Время снова показывает противоречивость — линейный хронос есть хронос петлевой, замкнутый в себе цикл, путь прехождения, но и одновременно постоянное возвращение одного и того же. Отрезок бытия сущего — репрезентант линии времени — осуществляется как череда повторяющихся циклов, периодов. В имманентном,

наличном человек не только буквально живет настоящим, поскольку таков способ его бытия [Хайдеггер М., 1998, с. 277–280], но вместе с тем как бы несет в себе, в своем локусе ареал последних нескольких лет, повторяющихся — мерцающих — в настоящем, причем это повторение спаивает воедино имманентную, личностную и когнитивную хронотологию: время застревает и в наличной повседневности (в виде локально-временных сгустков вещей, раскиданных по окружающему пространству и напоминающих о себе — сигнализирующих о времени), и в сознании (в виде лабиринта идущих по кругу мыслей). Вещи и особенно книги представляют собой спрессованное время, сжатые временные континуумы, обретшие вещно-предметный облик.

Время обнаруживает себя в пространстве как локально сгущенное непрошедшее в настоящем; эти сгустки сжатого времени наполняют локус и топос человеческой жизни. Индивид, живя настоящим, на деле не может жить только им (а может, и вовсе не живет настоящим), ибо он существует не только во множестве временных форм разных хронологий настоящего, но и во множестве времен прошедшего непрошедшего, еще длящегося, незаконченного, разбросанного в окружающем локусе. Линейное время оказывается вовсе не линейным, но множеством циклических процессов, бесконечно однообразно повторяющихся, являющихся способом бытия сущего. Эволюция сущего повторяется не только в его онтогенезе, а экзистенциально, эстетически она соприсутствует в каждом мгновении, в каждой пульсации временения сущего, которое несет в своем локусе-складке всю родовую и индивидуальную историю, явленную бесконечность в конечности здесь и сейчас; в каждом акте временения явлена вся сущность времени. Временная нагруженность локуса-складки и линейна — разворачивается в целокупную причинно-следственную цепь эволюции, истории, и циклична, поскольку однообразно повторяется по кругу, в замкнутой периодичности. Опять противоречие: время бесконечно в своем мерцании (но это дурная бесконечность слабейшего вида бытия), но его линейность не может быть бесконечной (время провиденциально сосчитано и потому есть ограниченное прехождение) и, строго го-

воря, не может быть линейностью как таковой, поскольку всякая линия есть топологическая явленность бесконечности; поэтому конечная линейность реализуется только как отрезок — временный путь сущего, точнее — множественная, и в этом бесконечная цикличность отрезков (путей сущего).

Петлевой хронос сообщает имманентной, личностной, когнитивной, социальной хронологии бесконечную (для конечного сущего) периодичность, цикличность: жизнь движется по кругу, все существует и воспроизводится в бесконечной череде циклических процессов: «Все опять возвратится ко мне: раскаленная ночь и томленье...» [Ахматова А.А., 1999, с. 56]. Время и жизнь петляют, запутывают человека в себе, застывают, словно в болоте, или скачут, несутся. Подобным способом структурированное время естественным образом отчуждается от сущего, становится внешним или внутренним, моим либо чужим, что приводит к необратимому разрушению целостного ценностного горизонта мироздания, отныне и навеки расколото в дурной бесконечности антиномичного дифференцирования. Человек сталкивается с бесконечным разнообразием топологических и хрональных форм, уровней, со сложносочетанной неоднородной структурой, экзистенциально отчужденной, чужеродной, враждебной. Для-другого представляет собой такую стадию функционирования и формирования личностной (и взаимосвязанных с ней иных форм) хронологии, в которой отчетливо, картинно является дурная бесконечность пульсаций, циклов, отрезков, метаморфоз времени и следующего за ним пространства; в этой стадии для сущего впервые в явственной форме выступает метауровневое, метафорическое в бытии.

Когнитивная хронология, в свою очередь, воспринимает и воспроизводит в-себе разворачивающийся перед ней и погружающий внутрь себя мир линейного и петлевого хроноса — неприятный и неблизкий топос бесконечных коридоров, переходов, тоннелей, сбинок, шахт, засоров, тупиков, запертых или открытых дверей, помещений, явленно выражающих отчужденность своего пространства, транспортных узлов, систем коммуникаций, транзитных потоков, являющихся ничем иным, как превращенной формой времени, его

символической и топологической репрезентацией, не реальным бытием, но метафорой, метаобразом хроноса, антибытием, вывернутым наизнанку, характеризующимся принципиальной неполнотой, отчуждением. Закрытое, замкнутое время предстает не просто в качестве завершённой длительности, но представляет собой навсегда закрытую возможность, смерть, ничто, небытие, ад:

«Гарсэн. ... А [что находится] снаружи?»

Коридорный (*оторопело*). Снаружи?

Гарсэн. Да, снаружи. По другую сторону этих стен.

Коридорный. Там коридор.

Гарсэн. А в конце коридора?

Коридорный. Другие комнаты, и коридоры, и лестницы.

Гарсэн. А дальше?

Коридорный. Это все» [Сартр Ж.-П., 2008, с. 117].

Принцип для-себя. Открытие экзистенции в падшести для-другого

Вторичная стадия формирования и функционирования личностной хронотопологии для-другого оставляет ее локусом отчужденности, падшести, растворенным в социальной хронотопологии без следа какой-либо автономности, где принцип в-себе полностью отрицается и функционально исключается. Именно в стадии для-другого социальная хронотопология получает свое наибольшее развитие и влияние. Пространственные модусы в-себе оказываются разрушенными хрональными модусами для-другого и более не восстанавливаемыми: петлевой и линейный хронос навсегда вторгаются в локус бытия сущего, становятся его распорядком, способом и узкоограниченным смыслом бытования. Но парадоксально-диалектическим образом именно в экзистенциальном дне безвыходности и бессмысленности однообразного течения жизни («существования»), дурной бесконечности повторяющихся процессов, может зародиться обратное, противодействующее движение третичного модуса формирования и функционирования личностной хронотопологии для-себя, выступающего тотальным противоположением, отрицанием для-другого. Множество индивидов может вовсе не оказаться в возможности открытия третичного

принципа для-себя просто потому, что они находятся в ином экзистенциальном чувстве бытия, другой экзистенциальной настроенности, и, как следствие, либо не способны, либо не нуждаются в каком-либо ином для-другого способе существования, всецело оставаясь во втором как в раз и навсегда обретенном жизненном смысле и основании. Подобные субъекты попросту не видят падшести, — хотя объективно могут существовать в ней и быть ее проводниками, — но они не способны отразить данную экзистенциальную ситуацию (и для таковых она не является ни экзистенциальной, ни ситуацией), поскольку загораживаются от трансцендентного горизонта, живя буквальной наличностью бытия, редуцирующего всякий ценностный, эстетический, экзистенциальный горизонт.

В обмирщенности принцип для-другого торжествует, самочинно утверждая себя как единственно данный. Борьба эстетического, экзистенциального и наличного, имманентного в локусе-складке сущего предельно обострена. Живущие принципом для-другого делают локус своего бытия эманацией повседневности, полным уничтожением эстетического и экзистенциального горизонта. Не случайно обмирщенность руководствуется усредненностью и нормальностью. Локус-складка, в котором разыгрываются модусы для-другого, служит словно бы заслоном, тупиком, уничтожающей силой для экзистенциальных исканий, отрицаемых проводниками наличного бытия, обыденности. Чтобы выйти из локуса падшести для-другого, нужно из него выпасть, попасть в ситуацию внеаходимости по отношению к всегдашней озабоченности, антиэкзистенциальной, но социализированной находимости для-другого; для этого необходима способность экзистенциальной настроенности на трансцендентное, возможность уловить подлинный сигнал потустороннего в брэнности посюстороннего. Экзистенциальная настроенность рождается парадоксально-диалектическим и негативно-диалектическим способом — в абсолютной падшести наличного бытия; только тотально утверждаемая посюсторонность может породить горизонт потустороннего, но для присутствия при таком рождении, для получения вести о нем, нужно иметь возможность экзистенциальной настро-

енности на понимание падшести и видения парадоксально-диалектического порождения иного в утверждаемом только-одном.

Первым модусом для-себя выступает открытие экзистенции в падшести линейного и петлевого хроноса; экзистенция (экзистирование) понимается как особого рода временение, впервые проявляющееся время для-себя, рождающееся из своей противоположности времени для-другого, коим выступал линейный и петлевой хронос. Экзистенция в качестве способа временения противоречива — как сам хронос в целом, — поскольку зарождается именно потому, что ей не в чем зародиться, неоткуда прийти; она связана с трансцендентным [Ясперс К., 2012а, с. 36–40], потусторонним, является его проводником и, в свою очередь, делает сущее проводником трансцендентного тоже. Но поскольку экзистенция есть форма временности и, следовательно, несет в себе все противоречия и неукорененность времени, то она открывает горизонт трансцендентного сущему не как таковым, но парадоксально-диалектическим, более того — негативно-диалектическим образом. По сравнению с линейным и петлевым хроносом наличного бытия, принципом для-другого, экзистентное время для-себя слишком рафинированно, слабо и утонченно, эстетично и возвышенно, как вообще все трансцендентное, чтобы противостоять брэнности и падшести для-другого и освободить сущее от его оков, цепей. Экзистенция как временная форма поступает соответствующим образом, не открываясь, но приоткрываясь сущему лишь на миг, в то время как линейный и петлевой хронос господствует в онтической сфере безраздельно. Сущее не может отказаться от линейного и петлевого времени, оно укоренено в них, падшестя не может быть преодолена никоим образом, и в этой ситуации, в этом локусе времени экзистенции приходит буквально ниоткуда, открывая возможность горизонта трансцендентного, но только на мгновение.

Время экзистенции есть парадоксальный миг свободы и стремление к трансцендентному, открывающиеся в локусе человека вопреки причинности наличной бытийности: «От мирового бытия я прихожу, разбивая его, к себе самому, как возможной экзистенции. Я есмь в ней как свобода и обращен в коммуникации на

другую свободу» [Ясперс К., 2012b, с. 4]. Противоречие экзистирования состоит в том, что его как временной формы оказывается категорически недостаточно для собственно существования сущего, способ которого укоренен как раз в линейно-петлевом времени, в модусе для-другого, но не для-себя и не в-себе, что сигнализирует об экзистенциальной падшести и неподлинности всего сущего. Тем не менее модус осуществления принципа для-себя все-таки оказывается возможен, но лишь как порыв, стремление, движение от противного; экзистентно-трансцендирующее движение индивида от... к... диалектически скоррелировано, синхронизировано с над- и внесубъектным движением к личности трансцендентного, экзистентного, вступающего в противостояние с линейно-петлевым хроносом и проявляющегося не в образе-символе течения, хода, потока, линии, периода, цикла, но, наоборот, в виде единственного мига, момента, события. В экзистировании-трансцендировании локус бытия, выражаясь языком Бахтина, ценностно уплотняется и обогащается [Бахтин М.М., 2003b, с. 55–56], событийность бытия достигает подлинного экзистенциального выражения, что невозможно в наличном бытии, но и невозможно на сколь-нибудь долгий промежуток времени. Экзистенция, открываясь, сразу же захлопывается, закрывается, лишая локус личностного хронотопа трансцендентного горизонта и оставляя ему лишь след, остаток, память. Ценностный горизонт времени экзистенции остается в круге сущего как мнемонический горизонт.

Понятие времени экзистенции ведет к открытию философии события. В действии принципа для-себя происходит частичное восстановление принципа в-себе, архетипичного образа ближнего круга — локуса первичной протоэкзистенциальной подлинности. Личность испытывает тоску и тягу к утраченному, стремится восстановить, восполнить его, но, поскольку существует в необратимости линейно-петлевого времени, не может, а способна только сообразно налично приобретенному способу временения для-себя противостоять принципу для-другого в форме определенной реплики стадии в-себе. Речь идет об открытии событийной (со-бытийной) свободы в открытости экзистенции — впервые обретаемой в

человеческой жизни в-себе и для-себя бытия: «Именно на следующее утро он и не пошел в школу. [...] Но объяснять матери ничего не хотелось. [...] Игорь поехал на ВДНХ. И там в одиночестве шатался по павильонам [...]. Было свободно, тревожно, странно, одиноко и хорошо. Впервые было так» [Амлинский В.И., 1982, с. 164–165]. Открытость и со-бытийность экзистенции ведут к возможности ее подлинной со-разделенности с другим и другими, отличной от падшести коммуникации для-другого. Со-разделенность бытия парадоксальным образом как раз невозможно принять и воспринять в социализированности и обобщественности модуса для-другого, поскольку экзистенциалы настроенности, подлинности, открытости этому модусу чужды и всячески им уничтожаются; экзистенциальная со-разделенность, подлинность и действительная со-бытийность бытия, когда человек истинно со-разделяет и со-раскрывает локус своей жизни иным экзистенциям, возможна только в действии по принципу для-себя. На ступени для-другого имеет место со-разделенность не экзистенциальная, но фактичная, налично данная со-расположенностью, не характеризующаяся со-творчеством экзистенций. На пустынной поверхности наличного бытия экзистенция, которая есть и глубина и возвышенность, не выживает, не может раскрыться; обыденность сглаживает, упрощает, сравнивает локус человека, экзистенция же его углубляет, возвышает, усложняет, облагораживает.

Ближний круг восстанавливается в круге общения, со-разделенности, со-причастности, со-бытийности, в раскрывшемся, ставшем окрепшим локусе которого человек уже может быть для-других, оставаясь для-себя. В открытости и свободе со-общения, со-бытия экзистенции происходит этическое, эстетическое восстановление и принципиально новое формообразование мира личностной хронотопологии, бросившего вызов падшести круга для-другого и начинающего путь для-себя. Экзистенциальный горизонт события, стадии для-себя, раскрывается в понятии со-творчества, со-обогащения локуса бытия, что чуждо социальной механике для-другого. Истинное бытие другого сохраняется и выражается в событии, в его локусе, в его хронотопе, поскольку последний истинно не может быть приватизиро-

ван никем из участников события, но может быть только действительно со-разделен — быть локусом экзистенциальной подлинности, неотчужденности, совместного экзистенциального, эстетического, этического со-творчества [Бахтин М.М., 2003а, с. 102–104]. Экзистентный модус для-себя переоткрывает и нецензурно усиливает ценностный и бытийный горизонт личностного мира-хронотопа, делая его полноценным, самостоятельным, развернутым; время экзистенции проявляется как время подлинного чувства, открытости и со-разделенности моего локуса бытия с Другим, открытым мне в подлинности со-бытийности.

Вторичная падшесть. Пустота и закрытие экзистенции. Оставшееся время

Время экзистенции имеет недостаточное основание и не может быть ни способом бытия, ни сколь угодно устойчивой хроноальной формой. Экзистенцией можно дышать, вдохновляться ее порывом, но нельзя избрать способом существования; экзистенцией можно жить (как вдохновением), но жить ей нельзя (как жизнью), что еще раз демонстрирует парадоксальную природу времени. Экзистенция связана с катарсисом и экстазом [Железняк В.Н., 2015, с. 563–564], не могущими длиться ни вечно, ни продолжительно долго, но только миг. Человек, живущий экзистенцией, избравший ее, стремится перебороть бессмысленность и тщету наличного бытия, на всю жизнь оставшись в экзистенциальном порыве. Всякое время конечно, а экзистенция конечна вдвойне, поскольку есть только миг, и потом закрывается, оставляя личность наедине с наличным бытием. Неукорененность экзистенции является причиной и ее необратимого краха, и краха обретенного ценностного горизонта личностного мира, который вновь, уже вторично, погружается в ситуацию падшести, отчужденности, пустоты здесь-бытия: «Вечную действительность мы нигде не находим как некое вневременно наличное иное и не находим ее также как постоянное во времени. [...] Она не получает формы долговечности, или формы устойчивого порядка, но обретает только вид краха» [Ясперс К., 2013, с. 235]. Причинность, необходимость, необратимость, вечный бег времени толкают человека на отход от экзистенции, ее предательство и забве-

ние; следствием прихода экзистенции в локус человека является не только открытие ценностного и трансцендентного горизонта, обретение подлинности и свободы, но и неизбежное последующее падение в забвение.

Разочарование в экзистенции есть разочарование в жизни, когда человек вновь, уже на новом этапе и с большим опытом, сталкивается с самой сущностью времени. Очаровывая человека, экзистенция точно с такой же силой разочаровывает; последним, завершающим модусом принципа для-себя становится вторичная падшесть, повторно отчужденное пространство и оставшееся время. Экзистирование, каким оно было, представляется невозможным, неповторимым для разочаровавшегося и теперь уже окончательно экзистенциально падшего человека. Экзистенциальную ситуацию перехода к зрелости и затем постепенно к старости сопровождает метаморфоза «жизненного» мира в «жилое» пространство, неизменно приходящая к человеку с течением времени. Для того чтобы мир был «жизненным», необходима прежде всего молодость, юность экзистенции, возможность которой посещает индивида в его существовании лишь однократно. Человеку не остается ничего, кроме оставшихся времени существования (именно существования, а не жизни) и локуса бытия. Свободы нет, со-творчество, со-разделенность, со-открытость скоротечны, призрачны и в целом невозможны. Все, что у меня есть, — это мое, оставшееся мне время и мое пространство, разумеется, отчужденные, не «мои», но все-таки являющиеся единственным свершением моего оставшегося пути.

Хронос стал моим только потому, что он остался мне как существу после всех метаморфоз жизненного пути. Оставшееся время порождает подчиненную топологическую форму — заботу о пространстве, обустройство человеком собственного локуса, в целом бессмысленное в брэнности и преходящести всего окружающего, но остаточной-экзистенциально оправданное; вариант экзистенциального осмысления заботы о пространстве-локусе существования можно найти в [Железняк В.Н., 2016]. Событийный ряд жизни сохраняется, но со-бытие существенно меняет ценностный горизонт, воспринимается намного суше — как набор возможностей, что свидетельствует о

ситуации экзистенциальной внеаходимости, потерянности. Не в силах противостоять брэнности хроноса, индивид может только попытаться содержать, обустроить локус собственного существования. Оставшееся время рождает паллиатив экзистирования — топологически модифицированную заботу о локусе собственного существования; ее вариантом является забота о себе [Фуко М., 1998, с. 109–117], забота о теле, уход за телом как топологически организованной структурой [Азаренко С.А., 2019, с. 10]. Своеобразное топологическое оформление озабоченности в ситуации оставшегося времени становится формой и способом жизни; не в силах противостоять хроносу, человек переключается на пространство. Обустройство локуса и обустройство жизни представляют собой форму экзистенциальной смиренности перед открытой закрытостью будущего времени, знаменует собой свершившийся переход от жизни к «существованию». Закат личностного ценностного горизонта смыкается с обмирщенным падшим горизонтом равнодушного ко всему и ко всем времени:

«...— А ты что будешь делать?

— Я буду вырезать по дереву. [...]

— А я что буду делать?

— Что захочешь! — великодушно сказал товарищ секретаря. [...]

— Не хочу я вырезать по дереву. Я математик.

— И пожалуйста! И занимайся себе математикой на здоровье!

— Математикой я и сейчас занимаюсь на здоровье.

— Сейчас ты получаешь за это жалованье. Глупо. Будешь прыгать с вышки.

— Зачем?

— Ну как — зачем? Интересно ведь...

— Не интересно.

— Ты что же хочешь сказать? Что ты ничем, кроме математики, не интересуешься?

— Да вообще-то ничем, пожалуй... День проработаешь, до того обалдеешь, что больше ничем уже не интересуешься» [Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н., 1999, с. 487–488].

Заключение

Подведем итоги исследования, в завершающей части которого были представлены два важ-

нейших принципа формирования личностного мира. Центральное значение принципа для другого состоит в том, что он приобщает доселе закрытый и замкнутый в-себе микрокосм только что начинающей свое оформление личностной сферы к открытости публичного пространства, к безграничности коммуникации (еще раз подчеркнем, что социальная коммуникация для-другого принципиально внеэкзистенциальна, а экзистенциальное ее воплощение возможно только по принципу для-себя) и общности социальной хронотопологии. Личность буквально выходит в мир — ее пространственные и временные координаты, бывшие до этого самозамкнутыми, приобщаются, присоединяются к социальным пространству и времени, а в этом движении личностному миру постепенно открывается и все мироздание, что означает, что личностный хронотоп человека из буквального микрокосма превращается в макрокосм, начинает носить собственно человеческий, относящийся ко всей цивилизации и культуре характер, — происходит приобщение к культурной и цивилизационной хронотопологии.

Принцип для-себя открывает в пространстве и времени личностного мира горизонты самости, экзистенции, трансцендентного, свободы, подлинности и полноты бытия. Без этого последнего принципа невозможно понять эстетическую, этическую, аксиологическую, семантическую нагруженность и личностно-индивидуальную определенность (действительную связь с человеком) времени и пространства. Не «только» человек, развиваясь, стремится к приобретению подлинного бытия для-себя — синхронным с ним образом обогащаются и эволюционируют его время и пространство — его жизнь и мир. Личностный мир-хронотоп не сводится буквально к окружающему человека локусу, в котором он живет, не просто означает собой жизненный мир индивида; подобное понимание при всей своей общей правильности остается поверхностным, неглубоким.

Человеческая личность и личностная хронотопология сопряжены в бытийной диалектике как одно целое. Личностный хронотоп представляет собой единственную, единичную и уникальную, становящуюся здесь и сейчас в событийности бытия свершившуюся возмож-

ность моей жизни. В каждом бытийном акте, в каждой событийности бытия пространство и время человеческой жизни раскрываются как экзистенциальная, эстетическая, этическая, ценностная смыслонаполненность бытия личности. Вместе с тем следует признать, что в сложном процессе становления и всего эволюционного пути человеческих пространства и времени имеют место и негативно-диалектические, парадоксально-диалектические стороны, деструктурирующие и деформирующие личностный хронотоп и весь жизненный путь человека. Время и пространство в таком случае вырождаются в своих аксиологических и экзистенциальных антиподов — анти-время и анти-пространство со всеми присущими этой отрицательной метаморфозе последствиями.

Список литературы

- Аврелий Августин.* Исповедь. М.: Ренессанс: ИВО–Сид, 1991. 488 с.
- Азаренко С.А.* Социальная онтология и топологическое философствование // На философских перекрестках. М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2019. С. 6–39.
- Амлинский В.И.* Нескучный сад // Амлинский В.И. Московские страницы. М.: Моск. рабочий, 1982. С. 109–309.
- Ахматова А.А.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 2, кн. 1: Стихотворения, 1941–1959. М.: Эллис Лак, 1999. 640 с.
- Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Рус. словари: Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. С. 69–263.
- Бахтин М.М.* К философии поступка // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Рус. словари; Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. С. 7–68.
- Железняк В.Н.* Мышление и воля. Принцип тождества мышления и воли в классическом рационализме и его историческая эволюция. Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2015. 616 с.
- Железняк В.Н.* Урбанизация и рустическая экзистенция // Уральская философская школа: 50 лет — 50 имен. Екатеринбург: Изд-во Урал. инта управления – филиала РАНХиГС, 2016. С. 285–293.
- Комаров С.В.* Метафизика и феноменология субъективности: исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. СПб.: Алетейя, 2007. 736 с.

Нестерова О.Е. Историко-философские предпосылки учения Августина о соотношении времени и вечности // Августин: pro et contra. Личность и идейное наследие блаженного Августина в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 2002. С. 707–722.

Сартр Ж.-П. За закрытыми дверями // Хрестоматия по философской антропологии. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2008. С. 114–152.

Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Улитка на склоне // Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Пикник на обочине. Отель «У погибшего альпиниста». Улитка на склоне. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. С. 379–613.

Филиппов Л.И. Философская антропология Жан-Поля Сартра (критический очерк). М.: Наука, 1977. 290 с.

Фома Аквинский. Сумма против язычников. Кн. 1. Долгопрудный: Вестком, 2000. 464 с.

Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть первая. Вопросы 1–64. М.: Издатель Савин С.А., 2006. 870 с.

Фуко М. История сексуальности III: забота о себе. Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-Бук, 1998. 288 с.

Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб.: Высш. религ.-филос. шк., 1998. 303 с.

Черняков А.Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб.: Высш. религиоз.-филос. шк., 2001. 460 с.

Ясперс К. Разум и экзистенция. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2013. 336 с.

Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире. М.: Канон+; РООИ «Реабилитации», 2012. 384 с.

Ясперс К. Философия. Книга третья. Метафизика. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2012. 296 с.

Получено 27.05.2020

References

Akhmatova, A.A. (1999). *Sobranie sochineniy: v 6 t. T. 2, kn. 1. Stikhotvoreniya. 1941–1959* [Collected works: in 6 vols. Vol. 2, pt. 1: Poems. 1941–1959]. Moscow: Ellis Lak Publ., 640 p.

Amlinskiy, V.I. (1982). *Neskuchnyy sad* [Boring garden]. *Moskovskie stranitsy* [Moscow pages]. Moscow: Moskovskiy Rabochiy Publ., pp. 109–309.

Aquinas, Thomas (2000). *Summa protiv yazychnikov. Kn 1* [Summa against the Gentiles. Book 1]. Dolgoprudny: Vestkom Publ., 464 p.

Aquinas, Thomas (2006). *Summa teologii. Chast' pervaya. Voprosy 1–64* [Summa of theology. Pt. one. Questions 1–64]. Moscow: Savin S.A. Publ., 870 p.

Augustinus (1991). *Ispoved'* [Confessions]. Moscow: Rennans Publ., IVO–SiD Publ., 488 p.

Azarenko, S.A. (2019). *Sotsial'naya ontologiya i topologicheskoe filosofstvovanie* [Social ontology and topological philosophy]. *Na filosofskikh perekrestkakh* [At philosophical intersections]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., Yekaterinburg: Delovaya Kniga Publ., pp. 6–39.

Bakhtin, M.M. (2003). *Avtor i geroy v esteticheskoy deyatelnosti* [Author and hero in aesthetic activity]. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols]. Moscow: Russkie Slovarey Publ., Yazyki Slavyanskoy Kul'tury Publ., vol. 1, pp. 69–263.

Bakhtin, M.M. (2003). *K filosofii postupka* [To the philosophy of the act]. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols]. Moscow: Russkie Slovarey Publ., Yazyki Slavyanskoy Kul'tury Publ., vol. 1, pp. 7–68.

Chernyakov, A.G. (2001). *Ontologiya vremeni. Bytie i vremya v filosofii Aristotelya, Gusserlya i Khaideggera* [Ontology of time. Being and time in the philosophy of Aristotle, Husserl and Heidegger]. Saint Petersburg: HRPS Publ., 460 p.

Filippov, L.I. (1977). *Filosofskaya antropologiya Zhan-Polya Sartra (kriticheskiy ocherk)* [Philosophical anthropology of Jean-Paul Sartre (critical essay)]. Moscow: Nauka Publ., 290 p.

Foucault, M. (1998). *Istoriya seksual'nosti III: zabota o sebe* [The history of sexuality III: self-care]. Kiev: Dukh i Litera Publ., Grunt Publ., Moscow: Refl-Buk Publ., 288 p.

Heidegger, M. (1998). *Vvedenie v metafiziku* [Introduction to metaphysics]. Saint Petersburg: HRPS Publ., 303 p.

Jaspers, K. (2013). *Razum i ekzistentsiya* [Reason and existence]. Moscow: Kanon+ Publ., ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 336 p.

Jaspers, K. (2012). *Filosofiya. Kniga pervaya. Filosofskoe orientirovanie v mire* [Philosophy. The first book. Philosophical orientation in the world]. Moscow: Kanon+ Publ.; ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 384 p.

Jaspers, K. (2012). *Filosofiya. Kniga tret'ya. Metafizika* [Philosophy. The third book. Metaphysics]. Moscow: Kanon+ Publ.; ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 296 p.

Komarov, S.V. (2007). *Metafizika i fenomenologiya sub'ektivnosti: istoricheskie prolegomeny k fundamental'noy ontologii soznaniya* [Metaphysics and phenomenology of subjectivity: historical prolegomena to the fundamental ontology of consciousness]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 736 p.

Nesterova, O.E. (2002). *Istoriko-filosofskie predposylki ucheniya Avgustina o sootnoshenii vremeni i vechnosti* [Historical and philosophical background of the teachings of Augustine on the relationship of time and eternity]. *Avgustin: pro et contra. Lichnost' i ideynoe nasledie blazhennogo Avgustina v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley. Antologiya* [Augustinus: pro et contra. The personality and ideological heritage of St. Augustine in the assessment of Russian thinkers and researchers. Anthology]. Saint Petersburg: RCHI Publ., pp. 707–722.

Sartre, J.-P. (2008). *Za zakrytymi dveryami* [Behind closed doors]. *Khrestomatiya po filosofskoy antropologii* [Anthology on philosophical anthropology]. Perm: PSTU Publ., pp. 114–152.

Strugatskiy, A.N. and Strugatskiy, B.N. (1999). *Ulitka na sklone* [Snail on the slope]. *Piknik na obochine; Otel' «U pogibshogo al'pinista»; Ulitka na sklone* [Roadside picnic; Hotel «At the deceased climber»; Snail on the slope]. Moscow: AST Publ., Saint Petersburg: Terra Fantastica Publ., pp. 379–613.

Zheleznyak, V.N. (2015). *Myshlenie i volya. Printsip tozhdestva myshleniya i voli v klassicheskom ratsionalizme i ego istoricheskaya evolyutsiya* [Thinking and will. The principle of the identity of thinking and will in classical rationalism and its historical evolution]. Perm: PNRPU Publ., 616 p.

Zheleznyak, V.N. (2016). *Urbanizatsiya i rusticheskaya ekzistentsiya* [Urbanization and rustic existence]. *Ural'skaya filosofskaya shkola: 50 let — 50 imen* [Ural School of Philosophy: 50 years — 50 names]. Yekaterinburg: Ural Institute of Management – a branch of RANEPА Publ., pp. 285–293.

Received 27.05.2020

Об авторе

Политов Андрей Викторович

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и права

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: erikhczeren@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4175-9040>

About the author

Andrey V. Politov

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy and Law

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: erikhczeren@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4175-9040>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Политов А.В. Диалектика формирования и развития пространственно-временной структуры человеческой личности. Открытие и крах экзистенциального горизонта для-себя // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 4. С. 531–540. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-531-540

For citation:

Politov A.V. [Dialectics of the formation and development of the human personality's spatiotemporal structure. Opening up and crash of the for-self existential horizon]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 4, pp. 531–540 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-531-540